

**ЛИСТАЯ
НОВЫЕ
СТРАНИЦЫ**

Филева Н.А. РАССКАЗЫВАЮТ МАСТЕРА: Из материалов экспедиций по Архангельской области в 70–80-е годы XX века: с фотографиями, комментариями и дополнениями автора. Архангельск: ОАО «ИПП “Правда Севера”», 2014. 272 с.

Это уникальное издание содержит яркие фрагменты размышлений о прожитой жизни и ремесле более сотни мастеров народных промыслов из разных регионов Архангельской области. Почти каждая страница книги проиллюстрирована замечательными черно-белыми и цветными фотографиями — портретами старых мастеров, образцами их промыслов, сельскими ландшафтами Севера.

Автор-составитель книги Нина Анатольевна Филева — искусствовед, исследователь традиционного народного искусства Русского Севера — в 1960–1980-е годы работала в экспедициях комиссии по народному искусству Союза художников России, отыскивала еще живущих старых мастеров народных промыслов, собирала образцы их мастерства для музеев и выставок, заключала с ними договоры о стабильной промышленной работе в системе учреждений советской культуры. Одновременно Н.А. Филева начала собирать материалы о жизни самих мастеров. На собственные средства она приобрела магнитофон и фотоаппарат и занялась, помимо должностных обязанностей, работой этнографа и социолога-качественника, собирая в своих искусствоведческих экспедициях разнообразные аудио- и фотоматериалы, касающиеся старых сельских мастеров. Не предполагая существования специальных исследовательских социологических и антропологических методов полевого исследования, Нина Анатольевна в своем проекте фактически использовала (весьма удачно и точно) исследовательско-аналитические элементы биографического метода, метод семейных историй, а также методы визуальной социологии.

В предисловии к книге автор воссоздает картины своего исследо-

вательского поля: “В рассказах мастеров раскрывалась их жизнь, история поколения, заставшего закат традиционного деревенского уклада. Для кого-то из них занятие ремеслом еще было необходимой частью быта, кого-то заставила вернуться к ремеслу в трудные годы нужда, а кто-то вспоминал, живя уже в городе, то, что знал только в детстве... Типичная картина тех лет: огромный старинный дом конца XIX – начала XX века, родовое гнездо. Его обустроивали по традиции на всю большую крестьянскую семью, но сейчас в нем проживает лишь одинокая старая женщина. Дети, внуки, правнуки далеко в городах или в селах по соседству, а то и вовсе никого нет... Хозяйка еще прядет пряжу, вяжет городским внукам носки и рукавицы. Намолчавшись за дни одиночества, радуясь приезжему человеку, она начинает рассказ о своей молодости, о старых обычаях и праздниках, о переменных в жизни деревни, о своей судьбе.

В редком доме кроме хозяйки был и хозяин — старик... старик вял сеть, плел корзину, шил лодку или точил веретено... Большинство народных ремесел сохранялись благодаря какому-нибудь одному увлеченному человеку”.

Не будучи по профессии этнографом или социологом, но интуитивно следуя путями данных научных дисциплин, Н.А. Филева за четверть века собрала уникальный архив, составивший около 300 биографических историй. Часть из них в виде фрагментов включена в издание. Истории сгруппированы в книге по пяти разделам — соответственно тем историко-культурным регионам, где они найдены и записаны: Пинежье, Поморье, Каргополье, Поважье, Мезень. Каждый из разделов содержит краткое, но емкое историко-культурное

*А. Никулин,
Е. Никулина
Филева Н.А.
Рассказывают
мастера*

**В музее села
Ваймуша
Пинежского
района. Фото
Е.С. Никулиной.
2014**

описание соответствующего региона. Раздел “Пинежье” включает 21 историю старых мастеров, раздел “Поморье” — 17, “Каргополье” — 18, “Поважье” — 31; “Мезень” — 16. Всего — 103 истории, рассказанные 56 женщинами и 47 мужчинами. Даты рождения большинства респондентов преимущественно относятся к концу XIX – началу XX века, однако в книге присутствуют и биографические размышления мастеров 1930–1960-х годов рождения. Через такую межпоколенческую рефлексию автору удается поднять чрезвычайно важную для книги тему сохранения, преемственности, выживания традиционной промысловой культуры в современном мире.

Было бы целесообразным снабдить книгу тематическим указателем, в рубриках которого нашли бы отражение самые многообразные понятия социальной и культурной истории Русского Севера, обсуждавшиеся Ниной Филевой с ее мастерами. Подобный указатель мог бы отразить следующие темы: география и разнообразие традиционных ремесел; стиль мастера и секреты/рецепты его мастерства; календарь традиционных праздников; соотношение традиционной мужской и женской культуры; значимые события российской и локальной общественно-политической истории (войны, революция, коллективизация, послевоенный слом тра-

диционной жизни северной деревни); село-городские миграции; кризис религиозной жизни в советский период; передача традиционного мастерства северной жизни современным поколениям. Предложенный набросок рубрикатора в нашей рецензии хотелось бы “наполнить” некоторыми выдержками из рассказов собеседников Нины Филевой, создав таким образом своеобразный рецензионный дайджест этой удивительной книги.

Начнем с пары феноменологических наблюдений респондентов Н.А. Филевой за тем, как на уровне звуковых и тактильных ощущений отличался от современного мир традиционных вещей и игрушек. Пинежская мастерица вспоминает: “Тогда в доме не было шуму-грому. Ничто не гремит. Крыночки, горшочки, лохани, ушаты, бочки... Теперь только железное все — гремит да гремит...” А вот слова каргопольского мастера: “Много делали игрушек (глиняных). Игрушка жила от понедельника до понедельника — быстро ломалась детьми, потом вместе с горшками делалась новая партия”.

На примере все той же игрушки обратимся к секретам передачи мастерства. Старый поморский мастер о деревянной игрушке размышляет так: “Я делал игрушки примерно такие же, что делали наши деды — они старались сделать меньше количест-

вом, но лучше качеством, красивее... Пусть у людей будут воспоминания, что вот в Койде был мастер, делал такие-то вещи. Оно уже и не так красиво и хорошо, как делали у нас старики — отцы и деды, но это от всего сердца вспомнута старина...” Более молодой каргопольский мастер раскрывает свои тайны создания глиняной игрушки: “Для игрушки из комка глины делаю колбаску. Из нее постепенно вытягиваю конечности... Дальше моделирую фигурку, с помощью воды ее всю обглаживаю, чтобы была равная, не шероховатая. Анна Федоровна (жена) работает быстрее меня, привыкла в артели заказы выполнять, а я над каждой думаю долго, вживаюсь... Я в детстве такими игрушками играл. Вылепленные дней 5–7 сохнут, всё выше ставлю, чтобы было всё теплей им. В последний день ставлю на печь. Потом укладываю вместе с дровами в русскую печь по обе стороны пода. Пока печь топится, игрушки там и стоят, а как угли будут да зола, так игрушки зарею. Они нагреваются докрасна. Вечером достаю из остывшей печи. Игрушка готова для росписи”.

В традиционном мире “игрушечные” и “серьезные” дела гармонично взаимопроникали друг в друга. Это особенно заметно на примере “меженьского” воспоминания о шутках северной сельской молодежи: «“33 завода” было в Тимощелье. Старики у нас рассказывали по этому поводу забавную историю: “Как-то приехал один тимощел в город и расхвастался перед своей невестой — у нас в Тимощелье 33 завода, поедем туда жить! Поверила невеста и поехала за женихом в деревню. На другой день просит молодая показать заводы. И повел ее жених за деревню, а заводы-то как баенки (бани) дымят... Ничего не оставалось невесте, как смириться с таким “богатством” жениха”. Все были гончары. У нас говорили: “Не боги горшки обжигают, а тимощелы...” Своим ремеслом тимощелы гордились. Гончарили в основном зимой».

Иной, женский, более осмысленный взгляд на выбор места создания семьи отражают воспоминания пи-

нежских мастериц о поговорках, связанных с поиском расчетливой невестой жениха из богатой деревни: «Девушки говорили: “Хоть за подпору — да в Карпову гору” (*замуж*). А про Кевролу говорили: “Хоть без коровы — да в Кевролу”, там рыбы много, да город раньше старинный был Кевроль».

Современному городскому (тем более столичному) читателю могут показаться несущественными различия в особенностях существования того или иного сельского поселения. Однако героям книги Филевой были очевидны уникальность и особенность каждой из деревень, как, например, в воспоминании пинежской мастерицы о близлежащих селах: “В Шардонеми всё плотники да хороши люди были. Еркино считалось более отсталым. Вся старина там спряталась — и песни старые поют, и наряды по-старому носят...”

Впрочем, северные мастера отнюдь не были “домоседами”. В их воспоминаниях открывается история путешествий предприимчивых архангельских крестьян вплоть до столиц российских и скандинавских стран. Свидетельство из Каргополя и Пинежья: “Питенбуры [те кто] приехали из Питера. Карпогоры — Питера урывок, Москвы уголок, говорят здесь. Многие жили в Питере. Нанимались на работы, лакеями у немцев служили, по-городски одевались. По 30 лет жили в городе, возвращались потом в деревню совсем другими”. Поморские, онежские свидетельства: «“Онежане — те же норвежане” — была в Онеге поговорка. Дома норвежских лесопромышленников в Онеге раньше были. В Норвегию ездили часто и онежские, и деревенские. Ворзгорские возили в Норвегию картошку. Она у нас на песке растет, там ее очень ценили. Кто в Норвегию ходил, красиво одевались, не по-деревенски. В деревню привозили наряды и посуду заграничную».

А в деревне царил мир семейных домохозяйств, живших ритмами гендерного разделения труда. Вот мужской взгляд из Пинеги на соотношение мужского и женского труда в деревне: «Корзины-то из дранки у нас

каждый сплетет. Если не сплетет, дак уж и не мужик. Надо, чтобы сосна была прямослойной, но главное, чтобы частослойная. Так и дерево ищешь — своей дорогой. Корзины разные из сарги (*сосновая дранка ??*) сейчас плету. Мужик больше в лесу. Он для хозяйства всякую вещь сделает. Для мужика это главное дело. Не зря говорят: “Кабы не лыко да бересто, и мужик бы развалился”. И дом, и бабы — все на мужике держится! Все бабье хозяйство — дело рук мужика». А вот женский взгляд из Поморья: “У нас в деревнюшке мужики-то неплохи были. Этта рыбацки — от моря жили, да и всё. По своему календарю жили — как море покажет... Зверя да семгу бьют — сколько надо. У кого смекалки побольше, тот и заживней будет жить. Мужики в море, бабы — по дому... А муж с женой, что мука с водой: сболтаешь — не разболтаешь!”

И в этот мир суровой северной сельской идиллии ворвался XX век со своими войнами, революциями, модернизациями, фатальным образом определив слом и исчезновение традиционного деревенского уклада. В голосах филевских мастеров обнаруживаются яркие и трагические (порой и трагикомические) характеристики историко-политических изменений, свидетелями, а часто и участниками которых они были сами. В книге зафиксированы даже воспоминания о взаимоотношениях интеллигенции и народа в Поморье до революции и после нее: «Дом был у нас большой — двухэтажный. На 1-м этаже жили политические ссыльные. На горе Высочихе они встречали 1 Мая. Жгли костры, чай с рыбниками пили. Отец всё с ними дружил. В доме была этажерка с книгами. Себя называл “толстовцем”, много читал и рубаху носил, как у Толстого, справедливый очень был. В председатели его выбрали. Успел умереть от туберкулеза до расстрелов».

Тут же находим и характерное “поморское” воспоминание о восстании крестьян времен Гражданской войны: “В 1920 году было Ворзогорское восстание. Сюда послали 3 рабочих с Поньги, и Вологин, учитель,

был с ними. Они пошли масло отбирать у деревни. Поп послал вооруженных людей. Ворзогоры стреляли по рабочим... А воевать некогда, мужики пошли сено косить. Потом всех восставших, когда раскулачивать стали, увезли в море и расстреляли”.

В ироничных воспоминаниях старика с Мезени его рана германской войны чудесным образом находит “успокоение” в советском детском милитаристском стишке: «Кровь-то из меня в Первую войну вылили, а больше и не наливали. Немцы-то на меня идут и как снопы валяются. А винтовка сама стрелять стала, я только целюсь... а пуля-то и попала в меня, я шинелью накрылся — вот тут у меня вся кровь и вытекла, на границе с Германией. С этих пор и стал я легким, как лоскут на ветру. За то и крестом меня наградили... Дак сейчас-то я хорошо живу: “Все в порядке, все в порядке — Ворошилов на лошадке!”».

Интересны размышления старого поморского столяра о значении в его жизни экзотического трофейного музыкального инструмента: “Мое дело столярное и резное. Резал иконostas, делал мебель... Клавесин привезли в деревню как трофей. Я играю каждый день на нем. Утром до завтрака — без него не будет настроения. Глаза стали плохо видеть, дак надеваю хирургический бинокль, он хорошо увеличивает. Мне уж девятый десяток идет...” А в воспоминаниях шенкурского мастера его промысловые умения естественно перетекают в мастерство военного дела времен Великой Отечественной вой-

Каргопольская игрушка. Фото Е. С. Никулиной. Дом-музей Шевелевых, г. Каргополь. 2014

ны: «Я себя называю “разных дел мастер” — столяр, стекольщик, кузнец, слесарь, санник, колесник, смолокур, корзищик, печник, маляр... Могу на факте показать все. Без работы жить не могу, все чего-нибудь выдумываю, что-нибудь да делаю: то корзинку сплету, то пестерь, то фигуру сплету из бересты... Три раза был рядом со смертью. Обе войны был сапером. На Северном фронте прошел от Мурманска до Норвегии, от Польши до Ленинграда. Меня зря и не пускали в опасное — берегли. Я ведь и тогда уж все придумывал».

В книге находим и характерные женские воспоминания о невернувшихся с войны. Одно из самых пронзительных дополняет фотография огромного красивого дерева, стоящего рядом со старинным пинежским домом: «Древо жизни растет у дома. Муж ушел на фронт, посадил дерево и сказал: если я не вернусь, оно вырастет большое. Но его нельзя трогать, а как только его срубят или погибнет оно, так другая война начнется. Вот оно и стоит, большое стало, много уж лет прошло...»

Войны — войнами, но у северных мастеров сохранилось много трагических воспоминаний о советских методах преобразования мирной действительности, порушивших устои векового сельского быта. Вельский мастер в своей краткой поговорке таким образом характеризует коллективизацию: «Так, сказал бедняк, хорош колхоз! А сам заплакал...» Есть и более развернутые соображения пинежского мастера о результатах советской борьбы с религией и насаждения прогресса: «Церкви все “абрестованы” (разоренные) стоят. Оно ведь не нами все создано, люди-то ведь неглупы были. И как у людей совесть есть — в церкви все портить. Это все равно как-нибудь скажется... По Божьему закону не давали продвигаться, а только технику развивали — вот все и развалили. И это есть еще только начало. Все равно Бога надо, без Бога-то все дети растут беспутные... Когда-то люди освободили, начистили землю от леса, а мы, дураки, запустили все земли, теперь все кустарником зарастает».

В хоре собранных Ниной Филевой голосов старых мастеров нет никакой массовости, шаблонности мышления и речи. Все они по-своему глубоко индивидуальны — возможно, потому, что каждому настоящему мастеру присущ свой собственный почерк, стиль, знак, что и отражает, например, следующее воспоминание пинежской мастерицы: «У каждого раньше было свое “огородное знамя” (семейные знаки собственности). Раньше везде были изгороди, и “знамена” на них ставили. На верхней жерди — огородное клеймо помещают: углубления в бревне вырубят как лодочки. На сосенках в лесу, чтобы свой лес найти — у каждого свое “знамя”. Даже овец своих на ухе “знаменем” метили. Клеймо имела каждая семья. Ставили на любом предмете — на лопате, на горшке, на поленище дров, туески метили».

Так было в прошлом... А в том времени, когда Н.А. Филева записывала беседы со своими респондентами на магнитофон, одной из главных заключительных тем ее бесед было обсуждение того, как старым мастерицам и мастерам передать свое ремесло будущим поколениям. Череду озабоченных стариков размышляет об одном и том же...

Пинежская мастерица: «Я-то сама уж почти одна в деревне осталась. Всю деревню выселили в 70-е годы... Таки земли и скот бросили, таки дома пусты стоят... А сейчас и людей нет, и нет даже и магазина. Вот тку сажу или вяжу — нитки путаю да свою тоску думаю...» (Этот монолог в книге сопровождается печальным фото опустевшей деревни Кучкас.)

Каргопольская мастерица: «В деревне-то все боле отступились от дела... А теперь ведь не прядут, не ткут — худо-то хватили... А я тку “память дочерям”. Умру, дак пусть помнят».

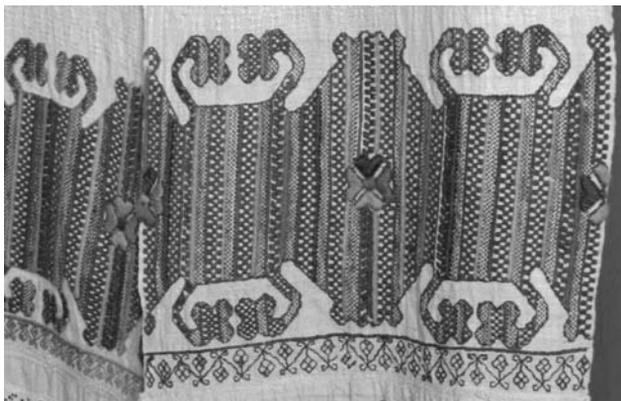
Опять голоса пинежских мастериц: «Я умру, ведь молодые и ничего знать не будут. Надо бы научить петь песни...»; «Скоро в землю уйдем, никому не оставим, надо бы оставить-то. Никто учится дак, я бы с удовольствием поучила. Что толку учить такое же

старье, как мы, надо бы лет 30, чтобы она просуществовала тоже, да еще последствие оставила кому-нибудь. У старых-то поучились бы, дак скорей изловчились бы ткать”.

Иногда старикам удавалось передавать свой опыт новым поколениям, как, к примеру, этому вельскому мастеру: “А с глиной я с детства умел... Сейчас 8 часов в неделю хожу в художественную школу, учу ребят игрушки делать. Они делают, а я поправляю. Помог в школе гончарную печь оборудовать, там и обжигаем”. Порой и сами молодые устремились изучать позабытые истории ремесел. Так, одна из самых молодых мастериц книги Филевой открыла для себя и людей мир ремесла набивных тканей: “Интересно проживать историю заново, набивать и красить ткани, как это делали мастера два века назад. Сначала был исследовательский период...”

Необыкновенно плодотворным оказался исследовательский период работы и самого автора книги. Усилиями Н.А. Филевой и ряда ее коллег-искусствоведов в 1970–1980-е годы удалось “реанимировать” искусство сельских старых мастеров и “вживить” его в промыслово-ремесленную культуру фактически уже новой городской жизни. Надо признать, что ныне в архангельской деревне фактически не осталось ни старых мастеров, ни их традиционных промыслов. Но мастерство “первичных (традиционных сельских) мастеров”, по выражению Н.А. Филевой, в конце XX века усилиями подвижников изучалось и сохранялось, благодаря чему народные промыслы удалось трансформировать в мастерство “вторичных (современных городских) мастеров”.

В позднесоветский период заказы музеев, выставки и публикации, поездки в города на фестивали, встречи с учениками все-таки дали возможность многим старым сельским мастерам передать свое умение молодым, уже городским поколениям. В конце книги Н.А. Филева приводит впечатляющую хронику участия народных мастеров Архангельской области в художественных выставках

народных промыслов 1970–1990-х годов. Исследователь завершает книгу неоднозначно обобщающим выводом: «На смену быстро исчезающей традиционной среде бытования народных ремесел пришли фестивали и праздники. Это “омолодило” народное искусство, дало ему новые направления для развития. Многие, чаще всего это жители городов, ориентируются на туристический спрос. Все больше разница между произведениями старых мастеров и сувенирными — “измельченными” — изделиями массовой культуры. Тем ценней сегодня память о последних мастерах — хранителях культурного опыта прошлого».

Приведенное авторское заключение хотелось бы усилить цитатой из повести А.П. Платонова “Происхождение мастера”. Главный ее герой — старый мастер, мучимый тревожными предчувствиями наступающих перемен, — предрекает: “...когда труд из безотчетной бесплатной природы станет одной денежной нуждой, тогда наступит конец света, даже хуже конца: после смерти последнего мастера оживут последние сволочи, чтобы пожирать растения солнца и портить изделия старых мастеров”. В наше время работа Нины Филевой, спасшая от порчи не только изделия, но и саму память о жизни старых мастеров, дает жизнь новым направлениям исследования секретов рукодельного и интеллектуального, традиционного и современного мастерства.

© 2015 А.М. НИКУЛИН,
Е.С. НИКУЛИНА

**Вышитое
полотенце. Фото
Е.С. Никулиной.
Каргопольский
государственный
музей, г. Каргополь.
2014**